

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА СРЕДИ ЛОПАРЕЙ

Подобно другим народам, после веков языческой тьмы лопарей озарил, наконец, свет христианства. В этой главе мы постараемся выяснить, когда и при каких обстоятельствах это произошло, осознавая всю трудность точного ответа на данные вопросы ввиду отсутствия каких бы то ни было литературных памятников, относящихся к этому предмету.

Плантин утверждает со слов самих лопарей, что только в XVI в. они впервые услышали о христианстве, из чего он делает вывод, что они выселились из Финляндии еще до распространения в ней христианства. "По-видимому, — говорит он, — только в прошлом столетии среди лопарей впервые началась евангельская проповедь. До тех пор этот варварский народ ничего не знал о Спасителе и даже само имя Христа, по их словам, не было известно".

Однако этому утверждению лопарей едва ли можно поверить. На основании некоторых данных можно предполагать, что уже во времена Циглера христианская религия была им известна и даже исповедовалась некоторыми из лопарей. Циглер жил в самом начале XVI века, т.к. был очевидцем Стокгольмской резни, учиненной тираном Христианом датским, описание которой он нам оставил. Из слов Циглера можно заключить, что христианство было известно лопарям и ранее. "Христианство, — говорит он, — лопари принимают, желая угодить королям, которые властвуют над ними". Говоря во множественном числе о "королях", он, конечно, имеет в виду не одного Христиана, а и его предшественников, царствовавших в более раннюю эпоху.

Действительно, трудно было бы поверить, что целый ряд христианских королей, власти которых подчинялись лопари, мог спокойно допустить, чтобы этот народ коснел во тьме язычества, ничего не ведая о Христе и христианской религии. Уже король Эрик Померанский в одном из своих посланий напоминает Упсальской Консistorии о необходимости посылать священников для просвещения лопарей. Впоследствии король Карл IX обосновывает текстом этого письма свои претензии на владение Лапландией в споре с соседними государствами. "Уже Эрик Померанский, — пишет он, — хотя и бывший королем Дании, Норвегии и Швеции, обращается с посланием именно к Упсальской консистории с требованием о назначении священников для проповеди христианства в Лапландии". Да и могло ли быть иначе, когда их ближайшие соседи шведы и биркармийцы, давно уже принявшие христианство, находились с ними в постоянных торговых сношениях, брали с них дань еще со времен Магнуса Ладулая, как было сказано выше, король же Магнус жил почти четыре века тому назад.

Поэтому исходящее из уст самих лопарей признание, что с христианством они познакомились лишь какое-нибудь столетие назад, представляется мне невероятным.

Напротив, я склонен думать, что со времен Магнуса Ладулая лопари постоянно сталкивались с христианством и многие из них даже принимали его на самом деле или только притворно. Именно в эту эпоху Лапландия подпала под шведское владычество, как видно будет из дальнейшего, и вполне естественно предположить, что с распространением своей власти над лопарями шведы способствовали также и внедрению христианства. С другой стороны, если верно наше предположение относительно переселения лопарей из Финляндии вследствие войны Эрика Святого и распространения им христианства в этой стране, то надо думать, что уже тогда лопари могли познакомиться с христианской религией, хотя она и возбуждала в них ненависть. Главное же, имея соседями финнов, родственных им по происхождению, лопари не могли на протяжении ряда столетий ничего не слышать от них о Христе и его учении. Поэтому я настаиваю на том, что христианство стало известно лопарям уже со времен Эрика Святого, т.е. около пяти веков тому назад, но не имело у них успеха, пока они сохраняли свою независимость. Когда же они подчинились шведскому владычеству, то по собственной ли воле, желая угодить шведским королям, как говорит Циглер, или по другим причинам они стали массами принимать христианство.

Так как это событие произошло при короле Магнусе Ладулае, жившем около 1277 г., то к этому моменту и надо относить начало христианства в Лапландии.

Покончив с этим вопросом, попытаемся понять, каково было отношение лопарей к христианству. Циглер так характеризует его: "Они не стремятся ревностно к исповеданию христианства, но и не уклоняются от него с ненавистью, подобно иудеям, а просто принимают его в угоду королям, которые ими правят." Из этих слов совершенно ясно, что для лопарей принятие христианства было чем-то внешним, обусловленным не сознанием его превосходства над их прежней религией и необходимостью для спасения души, а лишь средством снискать королевские милости и избежать неприятности, которые могли бы повлечь за собой сопротивление его распространению. Поэтому они венчались перед христианским священником и приносили к нему крестить новорожденных. Но этим и ограничивалось проявление их христианских чувств, как говорил еще Олаф Магнус. Что же касается проповеди слова Божия и каких-нибудь наставлений в прочих правилах и истинах христианского вероучения, то о них и помину не было.

"Многие пастыри совсем отказались от забот о христианском наставлении этого народа", — говорит Циглер. Это же подтверждают нам и старинные списки епархий с указанием приписанного к ним населения. В числе их нет Лапландской епархии и нет даже упоминаний о каких-либо христианских храмах, находящихся в Лапландии, или све-

дений о том, к какой из прочих епархий они относятся. Понятно, что если бы дела в этом отношении обстояли благополучно, то Эрику Померанскому не было бы надобности в вышеупомянутом послании напоминать о необходимости посылать священников для просвещения лопарей.

Об этом скорбит и Олаф Магнус, а Циглер в IV книге своей истории замечает с горечью: "Народам, живущим на Крайнем Севере в течение стольких веков, не проповедовалось Евангелие, что они почти целиком остаются вне католической церкви" (это происходило в эпоху, предшествовавшую Реформации. – Прим. ред.). И дальше Циглер выражает лишь надежду, что со временем это изменится к лучшему: "Остается лишь надеяться, что когда-нибудь и они дождутся истинной проповеди слова Божия и тогда не замедлят приобщиться ко вселенскому общению верующих христиан".

Такое было состояние христианства у лопарей вплоть до царствования Густава Адольфа – состояние жалкое, почти ничем не отличающееся от прежнего языческого, выражающееся в одних лишь внешних обрядностях, ценою которых, прикрываясь христианским именем, они беспрепятственно сохраняли свои древние суеверия. Недаром современник и приятель Иоанна и Олафа Магнуса Дамиан Гоен жаловался в своем сочинении, "что в этих областях отсутствует познание истинного Бога и Христа".

Даже оптимистические слова Олафа Магнуса о том, "что благочестивыми трудами католических священников значительная часть лесных людей (так он называл лопарей) обратилась в христианство и можно надеяться, что, следуя их примеру, остальная часть жителей оставит свои языческие заблуждения", едва ли могут поколебать высказанное нами мнение, если вспомнить, в чем выражалось в те времена принятие христианства. С приходом к власти короля Густава Адольфа все изменилось коренным образом. Ревнуя о насаждении истинной веры по всей стране, не в пример прошлой эпохе, он не мог не остановить своего внимания и на лопарях. До него лопари были больше данниками биркармийцев, чем подданными шведских королей, и потому короли мало интересовались их судьбою. Этот порядок был изменен Густавом Адольфом, подчинившим их непосредственно королевской власти, о чем подробнее будет сказано ниже. С этого времени вошло в силу постановление о том, чтобы в определенные времена года они являлись для уплаты податей королевским чиновникам и, пользуясь этим случаем, выслушивали там же проповеди слова Божия.

Об этом нововведении так пишет Андрей Бурей: "Зимой в определенные сроки, к которым приурочено взимание с них податей, лопари целыми толпами сходятся в определенные, предназначенные для этой цели места. К этому моменту туда прибывают священники, которые крестят их детей и наставляют их в основных правилах христианской веры и нравственности, а на следующий год экзаменуют по поводу преподанных начатков христианского". Это вошло в обычай со времен Густава Адольфа, как было сказано выше, т.к. до него королевская власть не взимала с лопарей никаких податей и им незачем было собираться в определенные места в установленные сроки.

Если бы нечто подобное существовало уже раньше, скажем во времена Олафа Магнуса, то он, наверно, упомянул бы об этом, а между тем в приводимой ниже цита-

те из его сочинений сообщается о том, что лопари принуждены были везти своих детей в христианские церкви для крещения иногда за 200 и более итальянских миль (200 итальянских миль = 371 км): "Христианские церкви часто отстоят от них на двести и более итальянских миль, почему они редко посещают их. Однако некоторые из них настолько преданы христианскому вероисповеданию, что, не стесняясь вышеупомянутой дальностью расстояний, однажды или дважды в год присутствуют при богослужении и приводят крестить своих детей, привязанных у них за спиною в особых плетеных корзинах".

Из этого ясно, что в ту эпоху среди лопарей в их собственной стране не было никаких съездов, к ним не приезжали священники и детей приходилось крестить не у себя дома, а в отдаленных храмах Швеции, Ангерманландии и Гельсингии, которые были известны под именем церковей христиан или крещенских лопарских церковей (Ecclesiae baptismales Lapponium).

Посещать или не посещать эти храмы было вполне предоставлено их доброй воле, вследствие чего многие лопари и вовсе не были крещены, как видно из послания Густава I, написанного в Стокгольме 24 июля 1559 г., где говорится: "До нас дошли сведения, что многие из вас (т.е. лопарей) до сих пор не приняли крещения".

В свою очередь, это происходило еще и оттого, что среди лопарей был очень распространен предрассудок, будто крещение взрослых приносит им смерть. Об этом писал и Пейцер: "Лопари говорят, что, если люди более зрелого возраста принимают крещение, то они обыкновенно умирают от этого на седьмой или восьмой день после него".

Только со времен Густава Адольфа вместе с королевскими сборщиками податей и священники стали проникать в самую Лапландию и уже там, на месте, крестить детей и наставлять жителей в христианской вере. Священники теперь уже не ограничивались одними проповедями слова Божия, а заставляли паству относиться к ним со вниманием и отдавать им отчет в понимании и усвоении услышанного. Итак, только с этой эпохи стало надлежащим образом утверждаться среди лопарей христианское вероучение и истинное благочестие.

В этом смысле приведенные нами в начале главы слова лопарей о том, что они лишь в прошлом веке услышали о христианстве, могут быть приняты с полным основанием. Тогда же впервые были назначены специальные священники для наставления их в вере Христовой. Из приведенного выше послания Густава I от 1559 г. видно, что в Лапландию был послан с этой целью достопочтенный Михаил, который, по-видимому, был первым, по крайней мере после Реформации, священником, предназначенным специально для проповеди среди лопарей.

Привожу подлинный текст этого королевского послания: "Итак, дабы лопари так же, как и все прочие, могли познать божественную истину и достигнуть вечного спасения, повелели мы и повелеваем настоящим верному нашему подданному достопочтенному Михаилу, чтобы он приложил все старания, на какие только окажется способным, благочестивыми христианскими увещаниями и беседами склонить вышеупомянутых лопарей к познанию истинного Бога, св. крещению и принятию христианской веры". В гораздо большей мере все это было достигнуто в последующую эпоху при королях Карле, Густаве Адоль-

фе и королеве Христине. При них проповедь христианства была подкреплена двумя установлениями, без которых религия не может развиваться и укрепляться в народе, а именно учреждением в Лапландии церквей и школ.

Первым позаботился о постройке церквей Карл IX, о котором Олаф Петерсон пишет следующее: "Этот король ревностно заботился о том, чтобы во всех округах были выстроены церкви и чтобы в каждом округе находились пастыри, получающие содержание из королевской казны, которые бы с кротостью и тщанием старались о просвещении народа".

Андрей Бурей в своем "Описании Швеции" говорит о том же: "Храмы, в которых совершается богослужение, построил в этих местах Карл IX". А Иоанн Торней сообщает: "Под конец царствования короля Карла IX впервые началась постройка храмов в Торнеоской Лапландии". Он же приводит названия этих храмов Тенотеки и Юкасьярви, из которых первый был построен в 1600 г., а второй тремя годами позже на средства королевской казны.

Его примеру последовала королева Христина, повелевшая специальной грамотой после открытия в этих местах серебряных копей выстроить четыре храма в Арвидцьярви, Ариеплоге, Сильбойоки и Насафьелль, как с точностью явствует из вышеупомянутой грамоты.

Таким образом, в настоящее время в самой Лапландии существуют следующие храмы: в Ангерманландской Лапландии – один в Аосало, в Умеооской Лапландии – один в Ликсале (Lyksala), четыре в Питеоской Лапландии, а именно в Градтреске (Graatraesk), Арвидцьярви (Arvitzjerfs), Сторасвавике (Storaswawuxs), Ариеплоге (Arieplogs). Некогда был там еще и пятый, в Сильбойоки (Silbojochs), но много лет тому назад он был разрушен и сожжен датчанами.

В Лулеоской Лапландии остался только один храм – Иохмох (Jochmoch), второй, бывший в Нафрилохе (Nafrilocht), недавно сгорел во время случайного пожара. В Торнеоской Лапландии насчитывается три храма: Юоксьярви (Oschijofs), Роунала (Rounale) и Энотакес

(Enotaches). В Кемской Лапландии – только один, называемый Эйнаре (Enare). Таким образом, всего в Лапландии 13 церквей, включая две разрушенные, т.е. Сильбойоки и Нафрилох, которые часто посещаются лопарями.

Все эти сведения я почерпнул из неоднократно уже упоминавшейся мною рукописи Самуила Реена. Строителями этих церквей были шведские короли, в особенности Карл IX, как уже говорилось выше. Расходы по постройке осуществлялись за счет казны. Только один храм из всех вышеперечисленных, а именно Роунала, находящийся в гористой части Торнеоской Лапландии, был построен частными лицами – тремя братьями-лопарями и украшен колокольней. Благочестие этих троих строителей заслуживает тем большей похвалы, что все необходимые для строительства материалы им приходилось доставлять из Норвегии на оленях.

"В Торнеоской области, – рассказывает об этом Иоанн Торней, – есть округ Роунала, расположенный в гористой местности на границе Швеции и Норвегии, в котором в то время жили довольно зажиточные лопари. Среди них было трое братьев, честные и уважаемые всеми люди, которые видя, как по всей Лапландии сооружаются храмы, движимые ревностью к слову Божьему, решили сами построить храм в своем округе. Все необходимые для постройки материалы им пришлось везти из Норвегии труднейшим и дальнейшим путем, переваливая через горную цепь. Легко понять, каких усилий эти им стоило. Впоследствии они пристроили к храму еще и колокольню, отлив колокола из своей собственной меди". Этот пример тем более достоин упоминания, что даже в наши дни никто из лопарей, даже образованных и желающих казаться благочестивыми, не совершил ничего подобного подвигу троих братьев.

Внешний вид этих храмов, разумеется, очень прост и незатейлив, сообразно скромным потребностям народа. Они построены главным образом из толстых бревен, подобно тому, как строятся обыкновенно жилые дома в Шве-

ции. К церквям часто пристроены колокольни, а также жилые помещения для священников и приезжающих издалека прихожан, где бы они могли, в особенности в зимнее время, согреться у огня и отдохнуть.

Первый такой дом был, по-видимому, построен королевой Христиной около 1640 г., т.к. до этого священники не жили при храмах, а наезжали ежегодно. В ее рескрипте по этому поводу мы читаем: "Озаботились мы, чтобы при каждом храме были выстроены хорошие и удобные дома для священников, которым надлежит отныне постоянно пребывать при своем храме".

Первые школы были основаны Густавом Адольфом, как кажется впервые, в городе Питео в 1619 году. По крайней мере, этим годом помечено предисловие к одному требнику (Rutuale), составленному питеоским пастором Николаем Андреасом и посвященному им Густаву Адольфу в прославление его забот о просвещении лопарского народа.

Я привожу здесь текст этого предисловия, переведенного мною со шведского языка: "Дабы все сословия шведского королевства, как высшие, так и низшие, и весь мир христианский ведали, какое заботливое сочувствие проявляет Его Королевское Величество к этому народу (лопарскому), хотя и последним вошедшему в число его подданных, устройством по своей Монаршей милости школы для лопарских детей, в которой бы они наставлялись в слове Божиим и грамоте".

Об открытии Густавом Адольфом школ для лопарей пишет и Олаф Петерсон, который указывает и на причины, побудившие короля к этим начинаниям. Дело в том, что король убедился, как мало пользы приносят среди лопарей проповеди шведских проповедников, говорящих с народом на чужом для него языке. Не достигли цели также и попытки дать образование некоторым лопарям в Упсале, предпринятые его отцом Карлом, с тем чтобы создать из них в будущем надлежащих проповедников для лопарского народа.

Привожу подлинные слова этого автора: "Из посланных по повелению Карла в Упсалу лопарей большая часть умирала вследствие непривычных для них условий жизни, климата и пищи, остальные же, выжившие в новых условиях, привыкнув к лучшей пище, одежде и образу жизни, не желали возвращаться к себе на родину. Когда выяснилась никчемность этих мероприятий, король наш Густав Адольф по Божьему произволению обратился к более благоразумному и ревностному способу, а именно привлек некоторых из лопарей в школу ближайшего к Лапландии города Питео, учредив стипендию на обучение их в ней в течение нескольких лет".

Таким образом, школа в Питео была первой в Лапландии. Руководство ею было возложено на упоминавшегося уже нами питеоского пастора Николая Андреаса, как видно из написанного им посвящения. Впоследствии для большей успешности преподавания, по воле Густава Адольфа, ему же было поручено перевести на лопарский язык наиболее необходимые и полезные для просвещения юношества книги, о чем сам Андреас упоминает в том же предисловии: "Ваше Величество посланием своим возложили на меня обязанность перевести на лопарский язык слово Божие и отрывки из творений древних отцов церкви, чтобы чтение их могло содействовать наставлению лопарей в хри-

стианской вере и служить им к вечному спасению".

До этого лопари не знали грамоты, у них не было ни письменности, ни каких бы то ни было книг на их родном языке. Эта первая лопарская книга была, думается мне, обыкновенным букварем, каким обыкновенно пользуются дети, к которому были прибавлены основные истины христианского учения, десять заповедей, символ веры, молитва Господня и т. д. "Итак, во славу Божию и для спасения душ лопарей, – пишет Николай Андреас, – я составил и исправил букварь с обычными к нему дополнениями". Некоторым может показаться, что употребленное им здесь выражение "и исправил" (stielt och refomerat) дает основание думать, что до его работы уже существовала какая-то книга этого сорта, т.к. исправить можно лишь что-нибудь уже написанное. Однако, по-видимому, автором первой книги был он сам, и лишь перед сдачей в печать она была исправлена им в отношении чистоты лопарского языка.

Несомненно, он был автором первого лопарского молитвенника (Rituale – требник), эта книга уцелела до нашего времени и была напечатана в Стокгольме в 1619 г. у Игнатия Мейрера (Ignatius Meurer) под следующим заглавием: "Книга песнопений, употребляющихся при служении обедни, в которой говорится, как надо молиться и петь на лопарском языке. Составлена Николаем Андреасом, пастором в Питео". Таковы были первые книги, написанные на лопарском языке, по которым народ мог с легкостью усвоить основные истины христианской веры.

За ними последовали и дальнейшие, составленные уже другими авторами, в том числе так называемое Руководство (Manuale), переведенное со шведского языка на лопарский торнеоским пастором и настоятелем Иоанном Торнеем. Эта книга заключает в себе псалмы Давида, притчи Соломона, Екклесиаст, катехизис Лютера, церковные гимны, Евангелие, послания апостольские с торжественными молитвами, описание страстей Христовых, историю разрушения Иерусалима и разного рода молитвы, как он сам сообщает в своем описании Лапландии.

Третье из мероприятий Густава Адольфа, относящееся к просвещению лопарей, заключалось в том, что он назначил определенные суммы не только на содержание и одежду лопарских детей, обучающихся в школе, но и на удовлетворение всех прочих их потребностей, он также обеспечил жалованием лиц, занимавшихся преподаванием.

В результате всех этих мероприятий лопарский народ мог лучше узнать христианскую религию, тем более, что проповедь стала вестись на родном его языке. Прежде все обращавшиеся к лопарям с поучениями говорили на шведском языке, как свидетельствует в своей церковной истории Баазиус (Baazius): "Шведский король Карл IX заботился о сооружении храмов, но не находилось священников, которые бы могли проповедовать слово Божие на родном для лопарей языке, другого же они не знали".

Олаф Петерсон иронически замечает: "Духовенство, произнося постоянно проповеди не на лопарском языке, которого никто не знал, а на шведском, непонятном лопарям, считало тем не менее, что прекрасно выполняет свои обязанности". Многие лопари запоминали кое-что из наставлений таких священников, но совершенно не понимали смысла заученного. По словам Андерсона: "Многие из них, как юноши, так и взрослые, довольно хорошо зна-

ли молитвы на шведском языке, но сами не понимали, о чем молятся". Некоторые священники принуждены были прибегать к помощи переводчиков. Самуил Реен рассказывает: "Когда священник-швед произносит проповедь, он обыкновенно помещается у подножия кафедры переводчика, который переводит на лопарский язык содержание его проповеди.

С появлением упомянутых нами книг лопари смогли сами понимать смысл своих молитв и священники получили возможность совершать богослужение на их родном языке. Кроме того, некоторые из питомцев лопарских школ достигли таких значительных успехов, что сами могли стать священниками и наставниками своего народа.

Церковный историк Баазий так пишет об этом: "Великий государь Густав Адольф привлек лопарских детей в школы и назначил им определенное содержание на время обучения их наукам. Впоследствии некоторые из них были посланы в Упсальский университет, где, утвердившись в основах истинной веры и приобретя необходимые познания, были рукоположены в священники с тем, чтобы трудиться над спасением душ своих соплеменников и на родном языке поучать их слову Божию". Олаф Петерсон упоминает о троих подобных юношах, которые таким образом были первыми священниками-лопарями. Рассказав об учрежденной Густавом Адольфом питеоской школе, он говорит: "После того, как учащиеся постепенно привыкли к новым для них условиям жизни, некоторые из них были отправлены в Упсальский университет, где они пребывали до тех пор, пока трое из них не были признаны достойными священства. Все они были направлены потом в предназначенные им приходы Лапландии, где ревностно проповедуют на родном языке слово Божие и совершают надлежащим образом требы".

Так, наконец, свершилось то, о чем писал Николай Андерсон: лопари в самом деле начали понимать сущ-

ность христианства и многие с радостью и готовностью восприняли учение Христово, претворив в жизнь, таким образом, начинания, принятые Густавом Адольфом для распространения христианского просвещения.

Среди лопарей мы должны упомянуть также о тех трудностях и препятствиях, которые сопровождают обычно всякое новое начинание. Прежде всего, немалых трудов стоило сохранить питеоскую школу, находящуюся вне пределов Лапландии, и привлечь к ней лопарское юношество. Поэтому, продолжая дело великого государя Густава Адольфа и следуя его примеру, королевский сенатор светлейший барон Дудергофа Иоанн Шютте (Skytte) пошел далее, задумав учредить вторую школу уже в самой Лапландии, а именно в Умеоской области близ храма Ликсала (Lyksala), которая получила название Ликсальской (Lyksalensis).

"Густав Адольф, – пишет Олаф Петерсон, – счел нужным открыть еще одну школу и притом в пределах самой Лапландии, чтобы учащиеся в ней продолжали жить в привычном для них климате, не отвыкая от обычного для них образа жизни и не тоскуя по покинутой родине. По милости Божией это мудрое решение короля выполнил благороднейший и щедрейший сенатор королевства барон Иоанн Шютте". Эта вторая лопарская школа была основана в 1632 г. на основании рескрипта короля Густава Адольфа, бывшего в то время на войне в Германии и, несмотря на это, не оставлявшего своих забот о Лапландии и о распространении в ней христианства.

Мы приводим здесь текст королевского рескрипта: "Божию милостью мы, Густав Адольф, король шведов, готов и вандалов и пр. и пр., сим объявляем, что, подобно в бозе почившему отцу нашему Карлу IX, королю Швеции, мы, как только по Божьему соизволению приняли бразды правления, прониклись заботою, дабы подданные наши, живущие в областях Крайнего Севера, именуемые лопарями, приобщились к наукам и искусствам и просве-

тились знаниями, необходимыми для спасения души, но ввиду тяжелой години непрерывных войн, разрушающих всякое мирное строительство, отвлечены были от нашего благочестивого намерения.

Дабы, однако, добрые намерения наши не остались втуне, повелеваем мы верному сенатору нашему и королевства Шведского, генерал-губернатору Лифляндии, Ингрии и Карелии, любезному нам светлейшему барону Дудергофа, господину Иоанну Шютте быть руководителем школы, которую надлежит открыть в Лапландской области Умео, понеже сам он пожелал взять на себя эту заботу и содействовать, если будет угодно Богу, успеху нашего замысла. Да будет руководство этой школой наследственным в роду Шютте.

Дабы, однако, обеспечить определенным жалованием преподавателя и доставить средства к существованию учащимся, повелеваем отдать на содержание школы всю сумму десятинной подати, которая ежегодно собирается прихожанами в умеоское зернохранилище. Десятиною этой со всеми дарственными приношениями, которые светлейший барон И. Шютте ревностью своей, стараниями сможет снискать, он будет распоряжаться по собственному разумению, обращая ее на нужды школы, с составлением за ними и наследниками лишь верховного надзора и наблюдения.

Подтверждаем сие собственноручною подписью нашей и приложением нашей королевской печати. Дано в старом Штетине, в Померании 20 июня 1631 года".

Этим рескриптом была утверждена новая школа, находящаяся в самой Лапландии, а именно в округе Умео, и, что особенно важно, во главе ее поставлен уже не пастор, а королевский сенатор с широчайшими полномочиями, а существование ее обеспечено определенным доходом – десятинной умеоского прихода.

Как видно из вышеизложенного, и раньше школам было назначено определенное содержание, но не указывались источники, из которых оно должно было получаться, вследствие чего часто бывали неприятные неожиданности от задержек в поступлении сумм и перерыва в занятиях и жизни учреждения.

Умеоская школа была избавлена от этих неприятностей еще и тем, что попечителю ее – барону Шютте были даны полномочия извлекать доходы на содержание школы в случае нужды и из других статей, что он не замедлил и сделать. Благодаря его общеизвестной ревности к делу Божьему и наукам, ему удалось собрать пять тысяч талеров серебром, частью из своих личных средств, частью из щедрых приношений его друзей, и вложить эту сумму в медные копи королевы Христины с тем, чтобы вместо процентов с нее в пользу Умеоской школы поступали все платежи по земельным налогам, принадлежащие Короне в приходе Умео. Благочестивая королева, желавшая продолжать благие начинания своего отца, короля Густава, подтвердила это соглашение, а равно и прежние права школы королевским рескриптом от 5 ноября 1634 года.

Из этой школы, ставшей источником просвещения в Лапландии, вышли многие деятели, благодаря которым лопарский народ все больше и больше приобщается к христианской религии. Многие лопарские юноши получили в ней начатки образования, как видно из сохранившегося экзаменационного свидетельства, под-

писанного Андреем Буреєм, Олафом Олафсоном и другими. Из него видно, что лопарские юноши проявляли во время обучения большие способности. По-видимому, школа приобрела симпатии и взрослой части населения, т.к. в противном случае лопари не отдавали бы в нее с такой готовностью своих детей.

Из всего этого можно заключить, что отношение к христианству со стороны лопарей за последнее время значительно изменилось к лучшему. Это объясняется тем, что благодаря заботам королей они теперь лучше снабжены церквями, школами, книгами, по которым могут учиться, учителями и священниками, чем было раньше. Нет надобности приводить доказательства этому.

По словам Реена, в Умеоской Лапландии есть один пастор-лопарь, хорошо обслуживающий свою паству, в Питеоской Лапландии – трое, в Лулеоской – один, также лопарь по происхождению, разрывающийся на части из-за громадной величины своего прихода. В Торнеоской и Кемской Лапландии есть также священники-лопари, совместно с которыми пасторы-шведы совершают ежегодные объезды дальних участков области для проповеди слова Божия живущим там лопарям.

Таковы труды священников в этой области, за которые они получают и некоторую награду, обеспечивающую существование им и их семьям. Из десятой части оленей, которую лопари обязаны сдавать в виде налога казне, третья часть предназначается священникам. Самуил Реен так говорит об этом: "Олени, которыми они уплачивают дань казне, делятся ими так, что две части идут в ее пользу, а третья часть остается священнику". Точно так же он получает часть дани, уплачиваемой лопарями казне одеждой и рыбой: "Лопари под названием десятины дают казне и священнику или две пары башмаков, или белую лисицу, или полпуда рыбы, разделяя все это поровну между ними".

Эти и другие установленные королевской властью доходы делают священников более деятельными и побуждают их еще больше заботиться о преуспевании лопарского народа в вере и благочестии. Первыми признаками этого является уже то, что к священникам лопари относятся с большим почтением, при встрече с ними низко кланяются, ведут в свои жилища, угощают их лучшей пищей, оказывая всяческие знаки внимания и гостеприимства и называют их "господами" (Herai). "Назначенных к ним учителей слова Божия, – говорит Реен, – они любят и почитают, называя их не иначе как "Herai", т.е. "господами".

Подобным же образом рисует отношение лопарей к священникам и Вексионий в своем "Описании Швеции": "Лопарский народ выезжает на оленях навстречу священникам, посещающим их на праздник Рождества Христова, и торжественно везет их к себе. Там их принимают в домах, украшенных оленьими шкурами и устланных березовыми ветками. Со всех сторон сбегается народ, низко кланяясь священникам в пояс по русскому обычаю и приветствуя их такими словами: "Saa terwe turemast Lapinmaa", т.е. поздравляем с приездом в Лапландию. Столом служит колода, положенная на землю, угощением – сушеная рыба и оленье мясо, а также олений язык, изжаренный на огне, и нагретые у очага кости, из которых, разрезав их, добывают мозг. Все это подается без соли и хлеба, которые духовные привозят с собой, так же как и вино (пиво при царящем там холоде бесполез-

но), лопари же предлагают в качестве напитка одну только воду в берестовой посуде".

Кроме того, лопари соблюдают праздничные и воскресные дни, воздерживаясь в них от работы, как сообщает Иоанн Торней. Мало того, они даже своим домашним животным предоставляют праздничный отдых. Многие из них прекращают работы уже в канун воскресенья. Самуил Реен так рассказывает об этих обычаях: "Лопари свято соблюдают праздники, воздерживаясь в них от тяжелой работы, в особенности в то время, когда, как им известно, служится обедня. Это относится не только к воскресным дням, но также и к субботам. По воскресеньям они дают отдохнуть даже своим вьючным и домашним животным".

Некоторые лопари считают грехом даже доить самок оленей в эти дни и пускают всех своих оленей свободно и празднично пастись на воле. Во время церковной службы они внимательно слушают проповеди, поют псалмы и замечательно, что при этом, как рассказывает Торней, стараются превзойти друг друга. С благочестивым трепетом приступают к христианским таинствам. Самуил Реен говорит, что таинство крещения пользуется у них особенным почетом. Поэтому они не медлят с ним, а обыкновенно уже на восьмой или четырнадцатый день рождения ребенка, не стесняясь дальностью расстояния, везут новорожденных к священнику. "Лопари спешат как можно скорее окрестить своих детей, – пишет Реен. – Мать-лопарка, едва оправившись от родов, уже на восьмой или самое позднее четырнадцатый день спешит со своим младенцем к священнику, пробираясь через высочайшие горы, громадные озера, дремучие леса, не страшась долгого и трудного пути".

С не меньшим благоговением приступают они к причастию и к предшествующей ему исповеди и отпущению грехов. Олаф Петерсон говорит по этому поводу: "Насколько можно судить по внешним признакам, лопари с глубоким благоговением приступают к исповеди и причастию". Это происходит, вероятно, оттого, что теперь они чувствуют себя настоящими соучастниками этого великого таинства наравне со всеми прочими христианами, чего не было в прежнее время. Дело в том, что, насколько можно судить из слов Петра Клауда, относящихся к норвежским лопарям, а это, вероятно, одинаково касалось и шведских, во времена католичества лопарям, по-видимому, давали в виде причастия неосвященные дары.

И Самуил Реен и Иоанн Торней одинаково лестно отзываются о благочестии современных лопарей. "К исповеди приступают с величайшим благоговением, а равно и к причащению святых тайн... Св. причастие и таинство крещения пользуются в их среде глубоким уважением". Но не только это, а и другие христианские обычаи постепенно прививаются среди лопарского народа. Так например, они стараются воздерживаться от клятв, божбы, проклятий, богохульства и тому подобного: "Постоянно внушавшееся им воздержание от ужасных клятв, проклятий, богохульства и т.п. принесло свои плоды, и теперь в общезнании их почти не слышно у лопарей".

Они милосердны и щедры к беднякам, как я уже указывал в другом месте, где упоминал также, что воровство среди лопарей почти совсем не встречается. В общении друг с другом они проявляют добродушие, любят дружески поболтать и пошутить, особенно в среде ближайших

соплеменников или родственников. "Они любят ходить друг к другу в гости, – говорит Самуил Реен, – и радушно принимать у себя своих друзей и соседей". Во всем этом, я думаю, также немалую роль сыграло христианство, научившее их, что сущность его заключается не в одной только вере, но и в жизни, соответствующей его учению.

Стараясь соблюдать все заветы христианства, лопари, с другой стороны, приучаются постепенно избегать всего, что связано с их прежними суевериями. Они бросают понемногу свои волшебные барабаны, жгут и выкидывают идолов, пни и камни, которым раньше поклонялись, как богам.

Иоанн Торней приводит прекрасный пример обращения подобного рода. В одном из округов Торнеоской Лапландии, называвшемся Пэльдоярви (Paeldojaorfi), жил некий лопарь по имени Пейве, который со всеми своими близкими поклонялся идолу Сейту. Случилось как-то, что его олени стали падать в громадном количестве. Тщетно он молился Сейту, прося его смилостивиться и отвести беду, мор все продолжался. Тогда он предпринял паломничество со всей своей семьей туда, где стоял сам Сейт в виде массы сухих деревьев. Он устал подножие идола зелеными сосновыми ветвями и принес ему в жертву оленины шкуры, черепа и со всей своей семьей валялся ниц перед идиолом, умоляя его сжалиться и каким-нибудь знаком показать, что он истинный бог.

Не получив, конечно, никакого ответа, несмотря на то, что целый день со всей своей семьей горячо молил идола о помощи, он встал в гнев, развел костер и сжег, таким образом, главного Сейта всего этого округа. Когда же все окрестные жители накинудились на него и хотели убить его за это кощунство, он яростно вопрошал их: "Почему вы не даёте мне отомстить этому богу так, как он этого заслужил?"

С тех пор Пейве стал ревностным христианином, и когда его соплеменники грозили ему какими-нибудь волшебными чарами, он отвечал им пением символа веры, молитвы Господней и т.п. Сам же он сжигал всех Сейтов, где только мог, и под конец послал своего старшего сына в Эйнарэбю (Enareby), чтобы он и там уничтожил всех идолов. Выполнив это, его сын Буоллаба должен был бежать в Норвегию, опасаясь злобных козней жителей Эйнаре.

Так же как и Пейве, сжегший своего Сейта, другой лопарь Клеммет из Теннобю уничтожил свой волшебный барабан, который он упорно отказывался бросить, несмотря на неоднократные убеждения священника, как рассказывает Торней. Мать Клеммета заболела однажды какой-то тяжелой болезнью и, несмотря на все лекарства и средства, указанные барабаном, вскоре умерла. Тогда, видя всю бесполезность своего инструмента, Клеммет уничтожил его.

Из всего этого видим, что христианская религия несомненно делает большие успехи среди лопарей, проникая гораздо глубже в их повседневную жизнь, чем это было раньше. Понятно также, каких громадных трудов, усилий, убеждений и стараний стоило просветителям лопарского народа. Однако, несмотря на достигнутые уже успехи, не следует думать, что можно почивать на лаврах, гордясь полным искоренением всех древних языческих суеверий и нечестивых обычаев, как мы увидим сейчас из содержания следующей главы.